

низверглись» как *gues (c)ayutu ezdugu «nosotros no nos arrojamos» «мы не низверглись»* [16, с. 467], то можно заключить, что с причастием прошедшего времени **cautu* «упавший» непереходного глагола употреблена форма вспомогательного глагола *edun* «иметь», обычно служащего для образования аналитических форм переходных глаголов (ср. ит. *siamo caduti* «мы упали»). Следовало бы ожидать формы непереходного *izan* — *gera* «мы есть»: **cautu ex gera (kera)* «мы не упавшие есть». Ср. в современном языке образование с *erori* «падать»: *Ihurzurria hola zertako erori da jende open tzarren gainera?* «Warum fällt der Blitz auf Gute und Böse?» [17, с. 119]. Исследователи, занимавшиеся анализом эмильянских глосс, уже отмечали сходство романских и баскского в использовании разнообразных вспомогательных и квазивспомогательных глаголов, и особенно «быть» и «иметь» [18, с. 23]. Со своей стороны мы бы хотели отметить существующее в баскском языке неразличение функции вспомогательных глаголов, восходящих к одной форме — «быть — быть у кого-то». Наблюдаемая здесь определенная тенденция употребления вспомогательного глагола с активным значением «иметь», первоначально не мыслившегося как активный («быть у кого-то»), там, где в большинстве случаев в других языках употребляется глагол «быть», может пролить некоторый свет на современное использование вспомогательных глаголов исключительно с активным значением в романских языках Пиренейского полуострова, возникшее в диалектах в северном регионе полуострова непосредственно под воздействием баскского субстрата.

Это явление, отмечаемое для разнотемных языков северного региона полуострова — баскского и романских, может быть объяснено первоначальным неразличением, восходящим, по-видимому, к тому древнейшему языковому срезу, когда отношения между субъектом и процессом характеризовались наибольшей синкретичностью, а вычленение объекта еще не произошло [19, с. 185]. В этой связи представляется удачной попытка рассмотреть конкурентное употребление причастных конструкций с *ser* и *haber* в северных диалектах (ср. диалектальное каталанское неразличение, допускающее даже функционирование *ser* с переходными глаголами: *so vist* вместо *he vist* «я видел») как изначально не пассивное или активное, а медиальное [20, с. 89]. Сходство исследуемых романских структур с синкретичным индоевропейским медием — способность к употреблению как в непереходных, так и в переходных конструкциях — несомненно [20, с. 88]. Тем не менее тот факт, что в итальянских языках, в отличие от греческого, медиальные формы уже получили значение пассива (ср. здесь же пассивный характер причастной конструкции с *esse* в латыни), не позволяет объяснить неразличение двух вспомогательных глаголов в иберо-романских диалектах и выбор одного *haber* непосредственно индоевропейскими (соотв. латинскими) истоками.

Причины, приведшие к этому, вероятно, следует искать в особенностях автотонных языков Пиренейского полуострова и, как мы предполагаем, в синтаксических особенностях вспомогательного глагола языка басков, который, в отличие от анализируемых романских моделей, типологически непосредственно сопоставим с индоевропейским медием. Помимо синкретичности можно отметить также, что связь медиальных значений со значением состояния в праиндоевропейский период составляет параллель со статичностью, которой зачастую характеризуются баскские глагольные конструкции (неперех.: *Asko ibiltzen naiz* «я много хожу», букв. «много в хождении (= в состоянии хождения) я есть»; перех.: *Nere laguna ikusten det* «я вижу моего друга», букв. «моего друга в видении (= в состоянии видения) его имею я»).

В иберо-романских языках имеется еще одна особенность, составляющая яркую параллель к баскскому. Речь идет о так называемом обороте *pasiva refleja*, букв. «возвратный пассив» типа *Se vende(n) botellas* «продают(ся) бутылки» или «продает(ся) бутылки». Подобные конструкции